

Предисловие

История российского джаза, пришедшаяся в основном на советский период, отличается ущербностью и неполнотой. Советская власть джаз не жаловала, считая его частью американской идеологической диверсии, западным идейным оружием в холодной войне. Был период (рубеж 40–50-х гг.), когда слово «джаз» исчезло из советских СМИ, а джаз-оркестры были переименованы в эстрадные. Единственная государственная фирма грамзаписи «Мелодия» крайне редко уделяла внимание джазу. С подозрением и неприязнью относился к джазу и советский музыкальный истеблишмент. Острейший дефицит джазовой информации негативно сказывался на развитии отечественного джаза. Отсутствие в стране джазовой инфраструктуры — джазового образования, квалифицированной джазовой критики, джазовых архивов и исследовательских центров, коммерческих джаз-клубов, специализированной прессы, джазовых фирм грамзаписи — не способствовало развитию отечественного джаза. Джазовые события и проблемы практически не освещались на страницах официальной печати. Советский джаз был «у времени в плену». Это создало огромные лакуны в истории российского джаза, многие страницы которого невосполнимо утрачены. Возникший на волне политической оттепели в середине 50-х гг. джазовый андеграунд также не оставил музыкального следа. Его музыка не записывалась, деятельность не документировалась. Многие крупнейшие российские джазмены ушли из жизни, так и не выпустив в советские времена ни одной пластинки. К примеру, нет записей выдающегося трубача Константина Носова (1938–1984), нет пластинок российского периода блестящего саксофониста Романа Кунсмана (1941–2002). А один из лидеров отечественного джаза, саксофонист Геннадий Гольштейн, активно работавший в джазе до конца 70-х годов, смог выпустить при советской власти лишь один альбом с записями двадцатилетней давности. То, что дошло до нас в грамзаписи, лишь крохотная вершина российского джазового айсберга. Ну а о квалифицированных критических оценках и анализе продукции российского джаза и говорить не приходится — в СССР отсутствовал институт джазовой критики.

Тем большая ответственность ложится на неподцензурные самиздатские источники джазовой информации. Однако отсутствие джазовых архивов затрудняет историкам джаза работу с ними. Это

стало главной причиной републикации избранных материалов ведущего самиздатского джазового журнала «Квадрат» — в 2015 г. исполняется 50 лет со времени его дебюта. Избранные материалы журнала публикуются без каких-либо изменений или последующего редактирования; по сути дела, это репринтное издание.

История российского джазового самиздата до сих пор остается практически неизвестной за пределами узкого круга джазменов и джазфанов старшего поколения. Первым периодическим изданием о джазе на русском языке стал неофициальный некоммерческий машинописный журнал «Квадрат», публиковавшийся в Ленинграде между 1965 и 1984 гг. вначале под эгидой одноименного джаз-клуба, а после отказа клуба продолжить издание единолично издававшийся его бессменным редактором. Журнал выходил очень небольшим тиражом (50–60 экз.) и бесплатно распространялся среди пишущих о джазе экспертов, музыкантов, провинциальных джаз-клубов. Естественно, что каждый номер журнала читали десятки человек, он переходил из рук в руки. Благодаря «Квадрату» удалось задокументировать и сохранить огромный (двадцатилетний) пласт истории российского джаза, который пришелся на пик его развития и популярности. Всего вышло 17 номеров журнала. И если первые («клубные») выпуски состояли из 30–50 страниц, то объем последующих («независимых») доходил до 150–160 машинописных листов формата А4. В журнале печатались ведущие джазовые эксперты и музыковеды, публиковались аналитические и теоретические статьи, рецензии на джазовые грамзаписи, списки лучших музыкантов в своих инструментальных категориях. С «Квадратом» сотрудничали Алексей Баташев, Владимир Фейертаг, Аркадий Петров, Дмитрий Ухов, Андрей Соловьев, Татьяна Диденко, Георгий Васюточкин, Артемий Троицкий, Александр Кан, Юрий Верменич, в нем печатались работы профессора Московской консерватории Вячеслава Медушевского и профессора Тартуского университета Бориса Гаспарова. Чтобы обеспечить полноту редакционного портфеля и поддерживать серьезный научный и публицистический уровень журнала, его редактору и издателю пришлось стать одним из его основных авторов — к этому вынуждало отсутствие профессиональной джазовой критики и крайне узкий круг квалифицированных джазовых экспертов. При этом, кроме собственного имени, он пользовался и псевдонимами — Евгений Семенов и Борис Ефимов. Большая часть печатавшихся

в «Квадрате» концептуальных статей его редактора опубликована в его авторском сборнике «Джазовые опыты» (2007), поэтому основное внимание при нынешнем переиздании материалов журнала уделено работам других авторов. Необходимость публикации лишь избранных материалов из немногих номеров, вызванная ограничением объема издания, породила неизбежную и досадную неполноту ознакомления с содержанием журнала.

На протяжении всего существования «Квадрата» его отличали стремление совместить джазовую теорию и критику с научным музыкознанием и методологией современного искусствознания, а также активная защита и пропаганда авангардного джаза, что было вызвано прежде всего бескомпромиссной оппозиционностью авангарда советскому агитпропу и казенной культуре. Редакционная политика журнала исходила из убеждения, что анализ джазовой музыки и адекватное понимание ее специфики возможны лишь в контексте и на фоне музыки академической традиции — эволюция джаза второй половины XX века проходила под ее мощным и плодотворным влиянием. Журнал заложил основы отечественного джазового музыкознания и серьезной джазовой критики.

Одновременно «Квадрат» стал школой социального и культурного сопротивления для его авторов и читателей. Все его существование было круговой обороной против официальной идеологии и бурной экспансии массовой культуры. Высокий научный и литературный уровень материалов журнала превратил «Квадрат» в один из крупнейших очагов второй, альтернативной культуры.

Название прародителя джазового самиздата ничего общего не имеет с геометрией. Квадрат — единственный джазовый термин русского происхождения, синонимичный американскому термину «корус» (chorus). Корус (квадрат) — это отрезок джазовой импровизации, число тактов которого кратно числу тактов ее темы. В джазовом мейнстриме импровизация строится по «правилу квадрата», предполагающему обязательное ее членение на корусы, которое интуитивно производит импровизирующий музыкант.

История «Квадрата» началась в 1965 г., когда Ленинградский городской джаз-клуб, базировавшийся в ДК им. Кирова, провел свой первый джаз-фестиваль. По сути дела это был музыкальный конкурс самодельных джаз-ансамблей и оркестров, проходивший в рамках Ленинградского фестиваля молодежи. Было собрано жюри

из представителей горкома комсомола, Ленконцерта, Союза композиторов, Городского джаз-клуба, присуждались лауреатские дипломы разной степени. В 1966 г. джаз-клуб с помощью горкома комсомола провел второй, еще более масштабный фестиваль-конкурс. Важной особенностью обеих фестивалей стало издание на ротапринте бюллетеней, в которых подводились их итоги и комментировались выступления музыкантов. Авторами комментариев были члены джаз-клуба, у которого еще не было названия, вошедшего в историю российского джазового движения, — через пару лет он заимствует название «Квадрат» у бюллетеня, ставшего его машинописным органом. Роль ленинградского горкома комсомола при издании первых трех бюллетеней была чисто технической (не считая негласной цензуры). Они печатались в горкоме на его ротапринте под видом инструктивных материалов (что было не совсем легально) и рассылались, в частности, по райкомам комсомола. На титульных листах бюллетеней значилось: Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, ниже: Ленинградский городской комитет, еще ниже: Отдел пропаганды и массовой работы, чуть ниже: Городской джазовый клуб. В те времена ВЛКСМ получил задание от Большого брата взять под контроль и возглавить активизировавшийся после политической оттепели молодежный музыкальный андеграунд. Одной из форм такого контроля стало разрешение на организацию любительских джаз-клубов под присмотром комсомола и открытие в Москве джазовых кафе, где играли самостоятельные джаз-ансамбли, — «Молодежное», «Синяя птица», «Аэлита», «Печора». Однако, познакомившись на фестивалях с джазом (видимо, впервые), ленинградские комсомольские бонзы утратили к нему интерес, прекратили печатать клубный бюллетень и поддерживать джаз-фестивали. Причин для развода было две: (1) современный джаз оказался вовсе не той легкой танцевальной музыкой, которой он им представлялся. Выяснилось, что многие его стили содержательно граничат с музыкой академической традиции, что, естественно, не могло привлечь массовую аудиторию; (2) комсомольцы неожиданно для себя осознали, что ко второй половине 60-х джаз перестал быть музыкой молодежной субкультуры. Надвигалась мощная экспансия рок-музыки, перехватившая у джаза эту функцию. «Огнедышащий дракон» рока начал выжигать остатки коммунистической догматики, формируя мирочувствование и ментальность российских подростков.